

Нин Сяо негромко цыкнул сквозь зубы.

Этот Ху Пэй лишь казался мягким и утонченным, на деле же под маской благовоспитанности скрывал холодную, как железо, непреклонность. Любой другой, услышав столь путанные, шитые белыми нитками речи, непременно стал бы возражать или попытался бы поправить собеседника. Но он даже бровью не повел — его заботило лишь собственное хваленое чувство меры.

— Господин правый причетник, вы действительно заставляете меня взглянуть на вас совершенно другими глазами, — заговорил Нин Сяо. — Но у меня остался последний вопрос. Вы столь хладнокровны и беспристрастны, однако теперь, когда вина Восьмого принца в убийстве Четвертого практически доказана — в Павильоне Прорицания Славы нашли следы крови и обрывки одежд, к тому же свидетели видели, как Восьмой принц спешно покидал павильон в растерзанном виде, — неужели вы никак не хотите ему помочь?

Ху Пэй на мгновение умолк, а затем ответил с прежней невозмутимостью:

— Семья Ху испокон веков держалась в стороне от дворцовых интриг и соперничества за престол. Мы не принимаем чью-либо сторону, храня верность государю и заботясь о благе народа. Разве не по этой причине господин министр юстиции решил отдать свою дочь в наш дом? К чему тогда подобные расспросы? Какой ответ вы надеетесь услышать из моих уст?

Нин Сяо на миг опешил, и в груди его шевельнулось мимолетное сожаление.

«Жаль, что моя любимая старшая дочь родилась на несколько лет раньше, чем следовало. Достанься такой одаренный супруг ей, и со временем она непременно заняла бы почетное положение благородной госпожи».

Однако сожаление быстро улетучилось. Восьмой принц Сюаньюань Дуань водил с Ху Пэем довольно близкое знакомство, но стоило тому попасть в беду, как последний не просто остался в стороне, а поспешил поскорее откреститься от приятеля. От подобного безразличия веяло могильным холодом.

Пока Нин Сяо предавался безрадостным думам, Ху Пэй негромко добавил:

— В прошлом году я ходил во Дворец Вечного Спокойствия к Шестому принцу, чтобы от имени старшей сестры разузнать о его намерениях. Когда я возвращался, на дворцовой аллее мне встретился Восьмой принц. Он спросил меня: «Не видел ли ты Четвертого брата в покоях Шестого?»

Всегда спокойный Нин Сяо изумился, и это чувство быстро сменилось недоумением.

— Что ты хочешь этим сказать? Они ведь братья, для них встречаться и спрашивать друг о

друге — обычное дело. Тем более это случилось в прошлом году.

— Вот как? — Ху Пэй тихо усмехнулся. — Сегодня в Управе четырех помощников мне довелось краем уха прослышать, что кончина Четвертого принца была... не совсем благопристойной. Мой разговор с Восьмым принцем в прошлом году был единственным за последнее время, и тогда его вопрос показался мне крайне странным. Жаловаться на память мне не приходится, так что я запомнил те слова дословно. Сегодня же господин Нин заговорил о дружеских узах, будто мы с ним не разлей вода, вот я и подумал, что эта деталь может оказаться полезной для следствия. Больше мне добавить нечего. Если бы я совсем промолчал и не замолвил за него хоть какое-то слово, пусть даже туманное, люди сочли бы меня бессердечным эгоистом. А в таком случае — кто бы решился выдать за меня свою дочь?

Нин Сяо молча созерцал собеседника. Юноша извернулся ужом: вроде бы и подсказал следствию зацепку, а вроде и не сказал ничего конкретного. Все прежние суждения министра о прямолинейности и холодности этого парня рассыпались в прах.

— Господин Нин, моя матушка, должно быть, вне себя от тревоги после того, как меня увели прямо из родного дома. Если у вас больше нет ко мне вопросов, прошу вас отпустить меня, дабы я мог успокоить ее сердце.

Ху Пэй чинно поклонился, сложив руки перед грудью. Он стоял посреди зала — стройный и безупречный, словно молодой бамбук.

Видя, что юноша незаметно прибрал разговор к своим рукам и стал хозяином положения, Нин Сяо глубоко вздохнул. Спустившись со своего возвышения, он сделал приглашающий жест рукой:

— Прошу.

Покинув зал допросов, Ху Пэй не стал сразу уходить. Прежде он нанес визит своему учителю Цзи Сюэкану и Великому правому помощнику Чжуан Сянжу. Закончив все необходимые формальности и переговорив с ними, он наконец вышел за ворота мрачного министерства юстиции, притаившегося у самого подножия внешней стены Великого золотого дворца.

Едва переступив порог, он увидел Чао Цо и Ху Линя, ожидавших его с конями.

Чао Цо незаметно перевел дух и шагнул навстречу:

— Ну наконец-то. Поехали, я провожу тебя до усадьбы.

Не успел Ху Пэй поудобнее устроиться в повозке, как Чао Цо бесцеремонно забрался следом.

Ху Пэй недовольно нахмурился:

— Разве ты не собирался ехать верхом?

Чао Цо удивился и, скрестив руки на груди, хмыкнул:

— Ну что, прочувствовал прелесть высокого чина?

— Ты надо мной насмехаешься? — удивился Ху Пэй. — В министерстве юстиции полно собственной стражи и приставов. С какой стати тебе, мелкому чиновнику из военного ведомства, помогать им с арестами?

— Ну... мы же служим в одной столице, у них людей не хватало... — Чао Цо попытался было уйти от ответа, но под пристальным, темным взглядом Ху Пэя, слабо освещенным качающимся фонарем кареты, его красноречие иссякло. — Ладно, признаю. У меня есть приятели в судебном ведомстве. Как только я прознал, что тебя собираются вызвать на допрос... Вообще-то это планировали сделать завтра утром. Но Чжуан Сянжу настоял, что завтра ты кровь из носу нужен ему для разбора бумаг, вот и решили уладить дело под покровом ночи. Я просто собрал нескольких надежных ребят из своего ведомства и поехал вместе с судебной стражей, чтобы лично проследить за всем.

— Судебных приставов к воротам нашего дома пришло всего трое. Но благодаря твоему нелепому эскорту и поднятому шуму завтра вся Золотая столица только и будет говорить обо мне. Удружил, ничего не скажешь!

Ху Пэй, не сдержав досады, несильно пнул Чао Цо по жесткой голени.

— Ой! Ху Пэй, ты чего дерешься? — вскрикнул Чао Цо, поспешно отстраняясь.

— Моя матушка своими глазами видела, как меня уводят твои люди, и сейчас места себе не находит от страха! И ты еще спрашиваешь, за дело ли тебе досталось?

Ху Пэй снова замахнулся ногой. Чао Цо, действуя на чистых рефлексах, подался вперед и резко прижал ладонь к его бедру, блокируя движение.

Сквозь тонкую ткань халата ладонь обожгло чужим теплом. Чао Цо испуганно отдернул руку. Сердце в груди заколотилось как сумасшедшее, точно в него плеснули кипящего масла, и этот глухой бешеный стук эхом отозвался в затуманенном разуме.

Ху Пэй, заметив, как тот поспешно отсаживается к самому краю сиденья, не стал продолжать потасовку. Справившись с раздражением, он заговорил уже спокойнее:

— Для меня этот допрос ничем не грозит. Впредь не делай глупостей. В министерстве чиновников пруд пруди, и каждый только и ждет твоей ошибки. Не думай, что если тебе покровительствует господин министр образования, то тебе все сойдет с рук.

Чао Цо, однако, упрямо буркнул себе под нос:

— Вообще-то мой зять — сам Цзи Сюэкан. А поскольку ты его ученик, то по семейной линии должен звать меня наставником... Ой!

Ху Пэй вернул ногу на место и, глядя на корчащегося от притворной боли Чао Цо, холодно процедил:

— Ты всерьез полагаешь, будто восхождение на Безграничный терем дает тебе право поучать меня?

Взглянув на это высокомерное, ледяное лицо, Чао Цо почувствовал, как в нем закипает безумное желание во что бы то ни стало сорвать с юноши эту маску невозмутимости. Разум заволок туман, в груди все еще бешено клокотало, и, не помня себя от нахлынувших чувств, он резко подался вперед и навалился на Ху Пэя.

— Ну все, Ху Пэй! Сегодня я покажу тебе, кто из нас главный!

— Мальчишка, — бросил Ху Пэй, пытаясь перехватить его руки. Однако Чао Цо действовал напролом. В шуточной борьбе Ху Пэй лишь ушиб пальцы и в следующее мгновение оказался прижат к сиденью тяжелым телом соперника.

Не привыкший к кулачным потасовкам, Ху Пэй тем не менее не выказал и тени страха. Его лицо оставалось пугающе спокойным, а в негромком голосе прозвучала отчетливая угроза:

— Слезь с меня, Чао Цо.

Чао Цо прижал его к деревянной обшивке кареты, намертво перехватив запястья и заблокировав коленом его попытку вырваться. Победа была за ним, но стоило ему оказаться так близко к лицу Ху Пэя, как в голове вспыхнула шальная, пугающая мысль. Она показалась ему настолько грязной и недопустимой, что даже собственное горячее дыхание, коснувшееся чужой щеки, он воспринял как святотатство.

Охваченный паникой, Чао Цо резко разжал пальцы, отшатнулся и, рванув занавеску, прямо на ходу выпрыгнул из кареты.

Кучер Ху Линь от неожиданности натянул вожжи:

— Молодой господин Чао?!

— Я поеду верхом! — хрипло бросил Чао Цо.

Он лихорадочно отвязал поводья своего коня от задней части кареты, взлетел в седло и пустил животное шагом рядом с повозкой.

В его душе бушевал настоящий ураган. Ведь мгновение назад он едва не... Едва не сделал с ним это. Но как?! Как он вообще мог помыслить о подобном? Ху Пэй ведь мужчина! Да, изнеженный, утонченный, похожий на девицу... но мужчина!

Отрицать очевидное больше не получалось: его чувства к этому парню переросли рамки дружеского соперничества. Это было непреодолимое, чисто плотское влечение, какое мужчина испытывает лишь к желанной женщине. От этого открытия у Чао Цо кружилась голова.

Тем временем в карете Ху Пэй неторопливо разгладил складки помятого халата. Когда повозка наконец остановилась у ворот поместья Ху, он сошел на землю. Чао Цо, не дожидаясь ни единого слова на прощание, резко вонзил шпоры в бока коня и умчался прочь, растворяясь в ночной темноте.

Ху Линь неодобрительно покачал головой, глядя ему вслед:

— Хорошо еще, что на улицах ни души. Так нестись по ночной Золотой столице — чистое безумие.

— Он знает, что делает, — безучастно отозвался Ху Пэй. — Идем в дом.

Дома его ждали встревоженные отец, Ху Юньшэнь, и матушка, Цзи Муюнь. Успокоив родителей и заверив их, что все обошлось, Ху Пэй наконец вернулся в свои покои во Дворике Нефритового Ириса. На дворе стояла глубокая ночь.

Не успел он раздеться, как под ногами завертелся Фэйбай, преданно заглядывая в глаза.

Отпустив слуг, Минцуаня и Ху Линя, принесших горячую воду для умывания, Ху Пэй подхватил лисенка на руки и ушел за ширму.

— Почему от тебя пахнет чужаком? — внезапно человеческим голосом спросил Фэйбай.

Ху Пэй замер и удивленно принялся к собственным одеждам, но ничего необычного не уловил. Впрочем, вспомнив недавнюю выходку Чао Цо в карете, он лишь философски пожал плечами:

— Юности свойственно увлекаться красотой. Обычное дело.

Повелитель Грома, чья воля направляла сейчас тело лиса, мгновенно догадался, о ком идет

речь. В его голосе зазвучало неприкрытое раздражение:

— Раз уж ты все понимаешь, почему держишь его так близко к себе?

Эти слова заставили Ху Пэя задуматься. Он замер, перестав черпать воду ладонью, и так и остался сидеть в купели, погружившись в смутные воспоминания. Но образы прошлого упорно ускользали от него.

— Помнится, ты говорил, что пол при перерождении зависит лишь от смертной плоти? — негромко спросил он. — Быть может, моя изначальная душа на самом деле женская?

Повелитель Грома ощутил укол безотчетной тревоги, смешанной с глухим раздражением.

«Неужели в этой жизни Чжаогэ действительно увлечется этим выскочкой Чао Цо?»

— Вздор, — резко бросил он. — Ты всегда был мужчиной. Даже когда обстоятельства вынуждали тебя облачаться в женское платье, ты оставался воином, превосходящим силой и доблестью большинство смертных.

Ху Пэй оцепенел. Спустя долгие мгновения он в упор посмотрел в мерцающие багровым светом глаза зверя:

— Ты... помнишь то, что было со мной до ухода из Цзюю?

Лис замаялся, лишь тихонько фыркнул. Одним легким прыжком он покинул воду, мгновенно высушил шерсть заклинанием и бесшумно выскользнул в соседнюю комнату.

Ху Пэй поспешно поднялся из ванны. Высушив тело потоком духовной силы, он наспех запахнул домашний халат и бросился следом. Отыскав лиса, свернувшегося на постели клубочком и старательно притворявшегося спящим, он бесцеремонно схватил его за загривок:

— Отвечай. Тебе действительно известна моя прошлая жизнь?

Зажатый в тиски Повелитель Грома, отлично помнивший склонность этого безумца пускать в ход кинжал при малейшем несогласии, был вынужден уступить:

— Камень Трех Жизней хранит память обо всем сущем. Стоило тебе расстаться с этой брэнной оболочкой и вернуться в Цзюю, как ты сам все увидел бы.

Ху Пэй медленно разжал пальцы, опустив лиса на одеяло. Слово завороченный, он повернулся и направился в кабинет. Не зажигая свечи, он подошел к столу и вытащил из

ящика острый ритуальный нож.

Следовавший за ним по пятам Повелитель Грома в ужасе округлил глаза. Собрав остатки своей духовной силы, он направил поток энергии на лезвие: сталь в руке Ху Пэя мгновенно раскалилась, превратилась в жидкое золото и тяжелыми каплями заструилась на пол.

— Да ты совсем рассудок потерял?! — яростно взвыл лис.

Ху Пэй гневно посмотрел в глаза зверя:

— Но ты же сам только что сказал, что смерть вернет мне память!

— Это совсем иное! — Повелитель Грома чувствовал, как тают последние крупницы силы этой призрачной нити, связывавшей его с бранным миром. Его сознание ускользало обратно, к истинному телу в Цзюю. — Созерцать чужую судьбу со стороны, точно представление в балагане, и проживать ее самому — далеко не одно и то же!

Ху Пэй хотел возразить, но тельце Фэйбая внезапно обмякло и безжизненно распласталось на полу. Он бережно поднял лисенка: дыхание зверя было ровным, но сознание покинуло его.

— Снова ушел? — тихо прошептал юноша.

Цзюю

В мрачной бездне Цзюю Повелитель Грома едва успел бережно опустить осколки души поверженного героя под корни ветви бодхи, как его сознание захлестнул вернувшийся из мира смертных духовный след. Стоило воспоминаниям воссоединиться с его сущностью, как на безупречном, прекрасном лице божества проступила злоеющая тень.

Но гневаться было не на кого: улетевшая искра была частью его собственного разума, действовавшей без жесткого контроля воли.

Он молча устремил взор на бескрайнюю, иссиня-черную гладь моря Хуанцюань.

Смута в мире совершенствующихся Цзюньчжоу наконец утихла, и у него появилось время заняться судьбой Чжаогэ. Но как быть с собственным сердцем?

Повелитель Грома сплел пальцами сложную печать, создавая полноценное духовное воплощение — не слабую искру разума, как прежде, а могущественного двойника, наделенного

половиной его нынешних сил.

— Ступай к скалам на море Хуанцюань, — повелел он созданному воплощению. — Жди отлива Желтого источника и ороси его водами цветы преисподней. Небесные законы наконец пришли в равновесие, и теперь я могу безбоязненно покидать Поднебесную, не опасаясь гнева небес. Судьбу Чжаогэ я решу лично.

— Слушаюсь, — кивнул двойник и, соткавшись из серой дымки, устремился к причалу Реки Забвения.

Ступив на борт покачивающейся лодки, он дождался почтительного поклона перевозчика и приказал:

— Правь к острову, где высится Пагода Очищения.

— Будет исполнено, Повелитель, — безропотно отозвался лодочник.

Оставшийся на утесе Повелитель Грома проводил взглядом исчезающую в тумане лодку. Затем он шагнул вперед, покидая пределы Цзюю, и мгновенно перенесся в мир смертных.

На этот раз все было иначе. Великое Небо больше не грозило ему карой: теперь он мог открыто ступать по земле, подчиняясь лишь естественному ходу вещей, и грозовые тучи не спешили собраться над его головой.

В покоях Ху Пэя уже брезжил рассвет. Тельце лисицы заботливо уложили на кушетку, подставив под первые ласковые лучи утреннего солнца.

Повелитель Грома легким взмахом рукава сокрыл пустую пушистую оболочку в своих складках и сделал еще один шаг. В то же мгновение он очутился за высокими стенами Великого золотого дворца империи Великая Чжоу.

Обычные люди не могли его видеть. Невидимой тенью он скользил мимо дворцовых павильонов, направляясь туда, где клубилась и устремлялась к небесам зловещая, черная как деготь призрачная дымка.